

Азикова Юзанна Мартиновна

**РОДСТВО КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИОННОГО
КАБАРДИНСКОГО ОБЩЕСТВА С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ (XVI-XVIII ВВ.)**

В статье анализируется присутствие элементов родства и его разновидностей в истории взаимоотношений традиционного кабардинского общества с "иноязычной периферией", соседними народами и государствами (XVI-XVIII вв.). Дается оценка прагматической либо идеологической значимости использования риторики родства и родственных связей для исторической действительности международных отношений в регионе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/5/1.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(67) С. 13-17. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 93/94(470.64)

Исторические науки и археология

В статье анализируется присутствие элементов родства и его разновидностей в истории взаимоотношений традиционного кабардинского общества с «иноязычной периферией», соседними народами и государствами (XVI-XVIII вв.). Дается оценка прагматической либо идеологической значимости использования риторики родства и родственных связей для исторической действительности международных отношений в регионе.

Ключевые слова и фразы: история взаимоотношений; родство; искусственное родство; манипулирование родством; брак; аталычество; побратимство; союз.

Азикова Юзанна Мартиновна, к.и.н.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

azik-u.84@mail.ru

РОДСТВО КАК ФАКТОР ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИОННОГО КАБАРДИНСКОГО ОБЩЕСТВА С ОКРУЖАЮЩИМ МИРОМ (XVI-XVIII ВВ.)

Дихотомия родство/территориальность как в плане обобщения порядка усложнения социальных и властных связей и отношений вообще, так и определения принципа структурирования общности в пространстве в частности подкрепляется давней исследовательской традицией. Обсуждение и разрешение комплекса проблем становления государства как формы институционализации власти опиралось на мысль о практически полном вытеснении кровнородственных связей территориальными принципами организации и связей [22; 23, р. 19-20]. Вместе с тем исследователи вопросов полигенеза приходят к заключению об искусственности подобного противопоставления. Социальные антропологи и «историки (особенно медиевисты) показали, что типологически не- и изначально догосударственные институты родства могут и остаются важными в государственных обществах» [11, с. 117-118; 23, р. 20]. Как отмечал Марк Блок, «основой могущества баронов, будь они из Нормандии или Фландрии, были не только замки, доходы звонкой монетой, многочисленные вассалы, но и родственники. На любой ступени социальной лестницы, включая самые нижние, ценили родство» [5, с. 125-126].

Ситуация ценности родства для традиционного кабардинского общества была аналогичной картине, описанной М. Блоком. В адыгском языке вообще и в кабардинском в частности существует обширная и разработанная терминология родства, свидетельствующая о чрезвычайной важности данного связующего явления. Родство играло существенную роль на уровне взаимодействия субъектов власти, категории родства фигурировали в описании определенных моментов взаимодействия субъектов и объектов власти (хотя в данном случае всемерно демонстрировался факт искусственности подобного родства), с родством в целом было связано неисчислимо множество нюансов нормативов сосуществования в традиционном кабардинском обществе.

Для исследования проблем возникновения и развития государственности как на историческом материале Кабарды, так и на любом ином историческом материале первостепенный интерес представляет изучение дихотомии родство/территориальность внутри общности без учета каких-либо внешних факторов. Вместе с тем бесспорна значимость и вопроса присутствия категории «родство» в дискурсе между народами, государствами либо их представителями во всевозможных попытках изучения статуса Кабарды во взаимодействии с «иноязычной периферией», соседними народами и государствами.

Обеспечение воспроизводства устойчивой системы этнополитического равновесия на территории Северного Кавказа в XVI-XVIII вв. было обусловлено наличием соответствующих организационных рамок осуществления связей и отношений как между этносоциальными организмами региона, так и в их взаимодействии с региональными державами. На кабардинском историческом материале рассматриваемого времени невозможно отыскать ни государственной, ни модерной национальной идентичности, ни в целом развитых этнонациональных представлений в культуре. Для традиционного кабардинского общества и его элиты действительны и понятны сословная, родственная, династическая и территориальная идентичность и лояльность (первичны личные связи). Наблюдается параллелизм значимости как сеньориально-вассальных, союзнических (имея в виду военно-политический аспект союзов) связей, так и уз родства. Между тем идентификация современными исследователями взаимоотношений традиционного кабардинского общества с окружающим миром чаще всего в формате сюзерено-вассальных и союзнических креплений предполагает отведение родственным связям и креплениям подчиненной, вспомогательной, усиливающей или компенсаторной роли.

Идеология и практика установления связей между кабардинскими князьями и представителями правящих групп соседних с Кабардой народностей и региональных держав позволяют говорить о «манипулировании» родством (имеющим скорее социальную, нежели биологическую природу) и в сфере взаимодействия с внешним миром (либо, говоря об обратном эффекте, об учете фактора родства при взаимодействии с окружением).

Крайне любопытны в связи с подобной постановкой вопроса исторические свидетельства родственных связей, устанавливавшихся между кабардинскими князьями и представителями правящих групп соседних с Кабардой народностей. Родство в этом случае устанавливалось через аталычество, заключение браков, побратимство. Внешнеполитическая ориентация тех или иных князей сильно зависела от образовавшихся с представителями внешнего мира родственных связей. С другой стороны, установление подобных связей могло явиться следствием тех или иных внешнеполитических предпочтений. В любом случае связь через родство способствовала укреплению союза. Э. Спенсер отмечал, что «кавказские князья вполне осознают

преимущества сильных семейных связей, как и их собратья в Европе; следовательно, они предпочитают отдавать их дочерей замуж скорее благородным или влиятельным вождям местных племен, чем иностранцам» [15, с. 99]. Кабардинские князья устанавливали родство через брак с крымскими, ногайскими, калмыцкими, грузинскими, кумыкскими и другими правителями. Брак с одними был более престижен, с другими – менее. Так или иначе подобное родство являлось гарантом крепости союзнических отношений и фактором оправдания нежелательных для третьих сторон связей и действий.

Кабардинские князья не упускали случая вспомнить о браке, заключенном между Иваном Грозным и Марией Темрюковной. Но и сам Иван Грозный, и русские послы в Крым и Турцию его времени при необходимости упоминали этот эпизод, и далеко не случайно, а с определенной целью. В серии документов, посвященных переговорам русской и крымской сторон по поводу строительства первыми городов в разное время в устье Сунжи и в устье Терека, повторяется одно и то же оправдание строительству города. В 1568 г. в грамоте Ивана Васильевича крымскому хану Девлет-Гирею читаем: «А город есьмя на Терке реке поставити велели по Темрюкову княжому челобитью, что есьмя его пожаловали, взяли дочь его за себя. И которые черкасы были ему послушны, и те черкасы многие ему досады и убытки юрту его поделали. И мы для своего имени его пожаловали, город для его береженья поставити есьмя велели на его земле и от недругов его велели есьмя беречи» [2, д. 11, л. 43]. В руководстве по порядку ведения переговоров с крымским ханом Девлет-Гиреем, отправленном из посольского приказа русскому послу в Крым А. Ф. Нагому, настоятельно рекомендуется: «А нечто царь учнет говорить или Сулеш или которые ближние царевы люди, что мы на Терке город поставили, а черкесы подручны турскому салтану, и тот бы с Терки нам город снести велети, и вы б говорили – город есьмя на Терке реке поставити велели по Темрюкову княжому челобитию, что есьмя его пожаловали, взяли дочь его за себя...» [8, с. 518]. Такое же оправдание предлагается озвучить гонцу в Крым И. Осорьину и гонцу в Турцию И. П. Новосильцеву [Там же, с. 520-521]. В эпоху правления Федора Ивановича Терский город называется государевым (1589 г. Отписка терского воеводы А. И. Хворостинина в Посольский приказ) [2, д. 11, л. 132], он переходит в разряд «отчин» царя (1591 г. Грамота царя Федора Ивановича кабардинскому кн. Мамстрюку Темрюкову об участии в походе против шамхала) [9, с. 65-66]. В грамоте царя Федора Ивановича турецкому султану Мураду 1594 г. также есть упоминание о женитьбе Ивана Васильевича на Марии Темрюковне, но акценты расставлены по-иному. Здесь уже первичен миф о давнем холопстве черкесских князей, о том, что они, будучи рязанскими жителями и холопами русских царей, сбежали в горы, но в итоге одумались и били челом Ивану Васильевичу. Федор Иванович заявлял, что «ныне горские кабардинские черкасы служат нашему царскому величеству и под нашею царскою рукою живут и по нашей царской воле из наших царских рук на княженье их сажати велим, и прежде сего и ныне на Кабарде начальные князи нашего царского величества посаженики. А мы, великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Руси, по их челобитью велели есьмя в Кабардинской земле и в Шевкальской, на Терке и на Сунше, города поставити и людей своих в тех городех устроили для береженья» [2, д. 11, л. 159-160]. В письме к султану Мураду Федор Иванович по вполне объяснимым причинам не использует термин «отчина» применительно к Терскому городу и Сунженскому острогу. Вместе с тем сюжет установления реального родства по браку между кабардинскими князьями в лице дочери Темрюка Марии (Гуашаней) и русскими правителями в лице Ивана Васильевича с дальнейшим возникновением, предположительно, неких форм сопричастности к владельческим правам Идаровичей на территории Кабарды обладал бесспорной значимостью в объяснении политики Русского государства в регионе. В целом царская власть выказывала вполне определенную претензию на распоряжение вотчинными землями служилых кабардинских князей. В случае с укрепленными поселениями на территории Кабарды использование понятия «отчина» царя, подкрепленное существующими шертными договоренностями, являлось иллюстрацией притязаний на установление господства над территориями, которые фактически не являлись составной частью Русского государства.

Российская государственность времен Ивана Васильевича находилась на более высокой стадии развития по сравнению со слабо выраженной кабардинской государственностью, формат существования которой требует отдельного исследования. Родственная связь и ее атрибуты зачастую играли определяющую роль в политическом процессе Русского государства. Ю. М. Лотман отмечал, что «когда Иван Грозный казнил вместе с опальным боярином не только семью, но и всех его слуг, это было продиктовано не мнимой боязнью места (как будто холоп из провинциальной вотчины мог быть опасен царю!), а представлением о том, что юридически все они составляют одно лицо с главой дома. Русские люди видели “грозу” – жестокость царя – в том, что он широко применял казни к своим людям, но включение в число опальной единицы всех представителей рода было для них естественным» [12, с. 13-14].

В подобной ситуации неудивительно, что документация кабардино-русских отношений, оформлявшаяся царскими делопроизводителями, не обходилась без формулы «дети, братья, племянники, внучата и все люди владенья» такого-то князя [2, д. 11, л. 459-463]. Симптоматично и постоянное требование в качестве аманатов (заложников) близких родственников кабардинских князей и первостепенных дворян [2, д. 11, л. 445, д. 12, л. 103; 6, с. 37; 17, д. 25, л. 43].

Внешнеполитическая ориентация кабардинских князей, объясняемая существованием родственных связей и взаимоотношений, чаще всего находила понимание среди представителей княжеского рода. К примеру, родная сестра князя Алхаса Джамурзина была матерью кахетинского царя Александра (1574-1605), одна из его дочерей была женой персидского шаха Аббаса I (1587-1629), другая – была замужем за одним из представителей рода Идаровых – Куденета Камбулатовича Черкасского [1, с. 934]. У каждой княжеской фамилии Кабарды была достаточно обширная сеть благородных и влиятельных инородных родственников, поддержка которых и поддержка которыми не могла быть обоснованно осуждаема в княжеской среде.

В то время, когда самостоятельное решение о внешнеполитической ориентации того или иного князя, игнорирование коллегиального начала кабардинского политического процесса заносилось в разряд антиобщественных и наказуемых княжеской корпорацией поступков, обоснование своей внешнеполитической ориентации соблюдением родственного долга если не принималось, то во всяком случае встречало понимание; бесспорно, с учетом расстановки политических сил. В качестве примера подобной самостоятельности кабардинских князей можно привести описание позиции Шолоха Тапсарукова (фамилия Талостановых) и Алхаса Джамурзина (фамилия Жилихстановых) и отношение к этому остальных кабардинских князей (1589-1590 гг.). Шолох и Алхас в это время установили союзнические отношения, в том числе и посредством установления родства, с Шамхальством Тарковским «и прамят заодно Турскому и Крымскому». Верховный князь Кабарды Янсох, Кайтукины, Идаровы и знатный дворянин Хотов Анзоров, «со всеми мурзами и уздени и со всею землею» собрались на совет и решили шертовать русскому царю со всеми вытекающими обстоятельствами. На совете не было Шолоха и Алхаса. Сторонники сближения с Русским государством предпринимали попытки обсудить создавшееся положение с Шолохом и Алхасом и убедить их присоединиться к ним. «А Мастрюк [шурин Ивана Васильевича] и Куденек и Хотов стояли под его кабаком верст за пять, а к нему не поехали, блюдаясь его, что он человек в Кабарде сильной; а их за то не любит, что де они государевых людей на Терку привели и город на Терке велел государь поставити для них». Мастрюк и его спутники призывали «служити государю», аргументируя свою точку зрения тем, что «вся де ныне Кабарда совет учинили, что служити государю». Шолох, говоривший и за Алхаса в данный период, отмахивается от всяких уговоров, обосновывая свой отказ тем, что «в Крыму деи у меня две дочери и многой мой род и племя; а в Шевкалах и Кумыках таково ж», поэтому он не может отстать «от Крымскаго и Шевкалскаго и Кумыков» [3, с. 130-137].

Очередной пример внешнеполитической ориентации кабардинского князя, подкрепляемой фактом родства, иллюстрируется в выдержке из «Отписки терского воеводы П. П. Головина в Посольский приказ о принесении шерти кабардинским кн. Шолохом Тапсаруковым и мурзами Казыем Пшеапшоковым и Айтеком Кошовым и об отъезде к персидскому шаху Аббасу мурзы Мудара Алкасова» (нояб. 1614 г. – февр. 1615 г.): «и приехал де он, Мосей, в Кабарду в кабаки к Мундару-мурзе Алкасову, и ево де в те поры в кабаках у себя дома не было, уехал к шах Аббасу до него за 6 дней. И он де, Мосей, от меня, холопа твоего, грамоту отдал Мундарове матери Калгашу да ево Мурдарову брату Пыште и грамоту де перед нею чол и словом де ей и брату ево говорил, чтоб ево, Мундара, з дороги воротити и к шах Аббасу б Мурдара не пуцали, чтоб ему от твоей царские милости не отступити». Все попытки обсуждения посланником с матерью Мудара, его братом и остальными кабардинскими князьями (Шолохом Тапсаруковым, Казыем Пшеапшоковым и Айтеком Кошовым) возможностей предотвращения поездки Мудара на службу к шаху Аббасу и удержания его в «царской милости» не возымели должного эффекта. Шолох, Казый и Айтек заверили, что они со своими дворянами неотступны от «царской милости навеки», что не собираются сами ехать к Аббасу и служить ему, «а Мурдару де оне говорили и уимали, чтоб он к шах Аббасу не ездил и ему не служил и от твоей бы царской милости не отступал, а с нами был в совете и в одиначестве под твоею царскою высокою рукою. И Мурдар де мурза ево, Шолоха-князя, и Казыя и Айтека не послушал и к шах Аббасу поехал, и ныне де Мурдар-мурза у шах Аббаса пожалован, а хочет де с шах Аббасовыми с ратными людьми на сей весне воевати горские землицы и их кабардинскую землю...» [2, д. 11, л. 185-186]. Мудар Алкасов, сын Алхаса Джамурзина, приходился шаху Аббасу I шурином. И данное обстоятельство определенным образом влияло на его внешнеполитическую ориентацию и его действия. В 1615 г. по согласованию с Аббасом I Мудар перевел свои селения в Дарьяльское ущелье, перекрыв тем самым проход из Закавказья в Северный Кавказ. Шолох, Казый и Айтек повествуют о том, что они «говорили и уимали» Мудару – говорили ему одуматься, но нет и речи о санкциях с их стороны за выбор Алкасовым своего пути. Их собственные внешнеполитические предпочтения крайне часто менялись в связи с непрекращающимися междоусобицами в Кабарде и в связи с априорным рассматриванием в ходе этой борьбы своих родственников за пределами страны в качестве самых надежных союзников.

О возможности наступления нежелательных последствий установления родственной связи между кабардинским князем и крымским царевичем (и о степени осознания подобной опасности) свидетельствует источник, описывающий недовольство по обозначенному поводу царя Михаила Федоровича. Последний пишет своим терским воеводам А. Головину и Е. Мясоедову о том, что князь Нарчов Елбузлуков выдал дочь свою за крымского царевича Шангирея без царского дозволения. Царя заботит то, что когда Нарчов был в Москве, он не бил челом, что хочет породниться с Шангиреем и даже не упоминал об этом. «И он князь Нарчов то делает негораздо забыв наше царское жалованье и свою к нам великому государю правду. Учинился он под нашею царскою высокою рукою в прямом холопстве в нашем царском жалованье навеки неотступен, что ему, будучи под нашею царскою высокою рукою нам великому государю служить и к нашим недругом и непослушником не приставати и с ними ни о чем не слатца. И он забыл тое свою правду ездил к Шангирею и с ним сватался и дочь свою за него выдал без нашего ведома <...> А то ему ведомо самому, что Шангирей нам великому государю грубен...». Нарчов же отвечает на упреки царя следующим образом: «а в обычье де у них ведетца, что дочерей своих дают в ыные земли и в Крым за другов и за недругов. А сватана де дочь ево за Шан-Гирея неволею, что в Кабарде у них был голод великой...» [17, д. 19, л. 97-98]. Нарчов в своих словах немного недоговаривает, так как «недружи» посредством установления родства становились «другами», и именно этот факт вызывал беспокойство у Михаила Федоровича. Приведенные отрывки интересны в первую очередь тем, что они иллюстрируют картину государственной важности вопросов родства при очевидности приоритета личных связей в решении внутривнутриполитических и внешнеполитических задач.

Схема действия аталыческих связей (дядьковство, кормильство), установленных с представителями внешнего мира, была аналогичной схеме действия подобных связей, установленных внутри кабардинского общества: тот, кто отдавал свое чадо на воспитание аталыку, был выше последнего по своему статусу и приобретал союзника в подчиненном положении (даже если подчинение не было осуществлено в полной мере, всегда имелись претензии на это) [7, с. 159, 161; 18, д. 5, л. 133-135]. Воспитанник при этом мог принуждать подвластных аталыка к чему-либо, не будучи (в отличие от аталыка) их господином, но получив от аталыка соответствующее разрешение [2, д. 14а, л. 86; 19, д. 25, л. 3-5]. Аталык же приобретал более могущественного, чем он, союзника-покровителя, в чью орбиту власти вовлекался, приобретая возможности ведения дел союзника-покровителя при делегировании ему подобных полномочий [2, д. 11, л. 526-527]. В качестве аталыков княжеских детей Кабарды выбирались представители благородных владельческих фамилий и правящих династий соседних народов и политических образований. Кабардинские же князья часто становились аталыками крымских царевичей. Установление аталыческих связей содержало в себе некий элемент неравноправия, поскольку воспитатель чаще всего принадлежал «к более низкому социальному слою, чем воспитанник». Но характер возникших отношений далеко не всегда укладывался в рамки социально-иерархических, а имел более «интимный смысл» [1, с. 390]. Анализ содержания источников по проблеме наводит на мысль о том, что в данном случае речь шла не о дихотомии воспитатель/подчиненный, а о модели взаимоотношений покровитель/верный союзник. Аталычество устанавливало священные родственные узы между кругом родства воспитанника и кругом родства воспитателя. Подобное родство обязывало ничуть не меньше кровного родства, а иногда и больше.

Не вдаваясь глубоко в подробности заключения очередного перемирия между баксанской и кашкатауской партиями (две княжеские партии разнонаправленной внешнеполитической ориентации) в ноябре 1754 года, можно привести отдельные выдержки по интересующему нас вопросу из «Журнала регистрации событий, происшедших вокруг Кизлярской крепости...» (журнал П. Татарова и И. Барковского). Так, в источнике отмечается, что после того как свои клятвы на Коране принесли кашкатауцы и баксанцы, отдельно присягал Хаммурза Расланбеков (кашкатауская партия отказалась относиться к нему как к брату и, соответственно, приносить вместе с ним присягу за его самовольство и невыполнение требований остальных князей данной партии) «с сыном Беисланом и с подвластными своими знатными узденями... И с ним Хаммурзою присягал владелец Коитуга Каисимов Бекмурзиной фамилии по притчине той что оного Каитуки емчек знатной кошкотовской уздень Батыр Куденетев состоит в одной присяге с Хаммурзою и потому де по обычию их з братьями ево он Каитуга и не присягал». Таким образом, отдельно присягали: князья Хаммурза, Беслан Хаммурзин, Каитуга Каисимов, уорк Батыр Куденетев и еще несколько уорков [20, д. 15, л. 163-167]. Ситуация, описываемая источником, крайне любопытная: Кайтука присягает вместе с аутсайдером Хаммурзою только потому, что его аталык (Кайтуки) «состоит в одной присяге с Хаммурзою», то есть для Кайтуки первичен союз его аталыка с тем или иным князем, а не факт опальности этого князя. Самое интересное, что остальные князья, увлеченные праведным гневом, обращенным в сторону Хаммурзы, не противодействуют Кайтуке в его действиях (по крайней мере, в источнике нет упоминаний об этом). Более того, подобные действия оправдываются репликой «по обычию их». В приведенной выдержке иллюстрируется эпизод проявления аталычества внутри Кабарды. Тем не менее описанный характер взаимоотношений абсолютно равнозначен аталычеству, связывающему с представителями соседних народов. Так, в жалобе (1643 г.) кабардинского князя Муцала Сунчалеевича царю Михаилу Федоровичу на князя Канбулата Пшимаховича говорится: «в нынешнем, государь, в 152-м году приезжал, государь, ко мне, холопу твоему, ис Кабарды дяди моего Ахловмурзы Айтекова уздень Созарука в гости побывати. И шол тот мой гость мима ево Канбулатова двора улицыю, и он, Канбулат, велел *дятьке своему Балхарских кабаков (курсив наш – Ю. А.)* узденю Касбулату убить досмерти. И тот ево дятька по ево, Канбулатову, заводу и наученью того моего гостя Созаруку пострелил из лука досмерти» [9, с. 125]. В данном отрывке иллюстрируется безусловная преданность аталыка из балкарского общества интересам своего воспитанника, кабардинского князя. Но общим правилом являлась и ситуация всемерной поддержки воспитанником-князем дел и интересов аталыка.

Для традиционного кабардинского общества значение имело не только установление родственных связей между своей и внешней элитой. Категории родства и родственные связи были значимы в целом для международных отношений адыгской общности. Можно предположить, что нормативы установления и поддержания родственных связей и отношений с представителями периферии и внешнего мира являлись некими аналогами международного права регионального масштаба. И с уверенностью можно сказать, что наличие родственных связей являлось значимым фактором конкретно-исторического проявления формата установления и развития внешнеполитических связей. Это справедливо и по отношению к таким институтам, как куначество-побратимство, усыновление, гостеприимство [4, с. 385-386; 10, с. 44-45; 13, с. 294, 313; 14, с. 221; 16, с. 15-16]. В отрывке из описания очередного кабардино-калмыцкого конфликта, сделанного Эвлия Челеби в XVII в., приводится следующая информация. В ответ на требование калмык выдать им ногайского мурзу Асланбека, преследуемого ими и вступившего под покровительство кабардинцев, последние отвечают, что «татарин Асланбек – птица, он обрел пристанище, придя на звуки нашего пения. Мы дали [ему] юрты, *сделались братьями (курсив наш – Ю. А.)*. И это племя ногай мы вам не отдадим» [21, с. 87]. Данное заявление не отвратило нападение калмыцких воинов во главе с Урлюк-тайшой, а кабардинцам ничего не оставалось, как исполнить долг побратимства и гостеприимства и вступить в сражение. Применение и действие категорий родства вводило любые конфликты в правовые рамки действующей системы эносоциальных отношений, в рамки улаживания противоречий и поиска компромиссов, являясь, по меньшей мере, гарантией защиты и предотвращения

уничтожения. Довольно типичной была ситуация, когда изначально существующий конфликт «провоцировал» установление родства, например, через прохождение обряда усыновления или побратимства, поскольку для провинившейся стороны (либо для нуждающейся в защите стороны) не существовало более оптимальной альтернативной стратегии примирения, чем родство. Как сближение, так и примирение – результат прохождения соответствующего обряда сторонами и объявления себя родственниками.

Таким образом, теория и практика установления родства не только поддерживали, но и подтверждали осуществление тех или иных действий в рамках кавказских этнополитических отношений и в международной политике. Имеющиеся в наличии свидетельства [18, д. 5, л. 133-135; 20, д. 17, л. 63 – 66 об.] установления родственных связей между кабардинскими князьями и представителями элит соседних политических образований, отражая чрезвычайную важность родства для сторон, не повествуют исключительно о родстве. Социальная природа родства в принципе позволяла «объявлять и считать родственниками не только тех, кто является таковыми биологически», давая «возможность манипулировать родством как идеологией в различных целях» [23, р. 19]. И целесообразность, связанная с поддержанием и развитием соседских и международных связей, не была исключением, а подразумевалась логикой традиционного уклада кабардинского общества. Почти во всех случаях упоминание о родстве подчинено достижению определенных целей в международных отношениях. Хотя такая составляющая, как престиж, сама по себе обладала бесспорной привлекательностью для кабардинцев, без подкрепления действием, была велика вероятность дезавуирования ценности любых связей. Источники демонстрируют ситуацию, когда одно без другого не бывало – как родство не упоминалось и не устанавливалось ради исключительно родства, так и союзы (симметричные либо асимметричные) надежнее было укреплять родством.

Список литературы

1. **Адыгская (Черкесская) энциклопедия** / гл. ред. профессор М. А. Кумахов. М.: Фонд им. Б. Х. Акбашева, 2006. 1247 с.
2. **Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований**. Ф. 1. Оп. 1.
3. **Белокуров С. А.** Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного Архива министерства иностранных дел Сергеем Ал. Белокуровым. М.: Университетская типография, 1889. Вып. 1. 1578-1613 гг. 711 с.
4. **Бларамберг И. Ф.** Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв. (АБККЕА) / сост. В. К. Гарданов. Нальчик: Эльбрус, 1974. С. 353-434.
5. **Блок М.** Феодальное общество / пер. с фр. М. Ю. Кожевниковой. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 504 с.
6. **Бутков П. Г.** Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год. Извлечения. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 358 с.
7. **Главани К.** Описание Черкесии // АБККЕА. Нальчик, 1974. С. 156-173.
8. **Дзамихов К. Ф.** Кабарда и Россия в политической истории Кавказа (исследования и материалы) // Дзамихов К. Ф. Адыги: вехи истории. Нальчик: Эльбрус, 2008. С. 437-668.
9. **Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.:** документы и материалы: в 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 1. 487 с.
10. **Кох К.** Черкесы // Адыги: культурно-исторический журнал. 1992. № 4. С. 44-75.
11. **Куббель Л. Е.** Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. 270 с.
12. **Лотман Ю. М.** Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. 479 с.
13. **Мариньи Тебу де.** Путешествия в Черкессию // АБККЕА. Нальчик, 1974. С. 291-321.
14. **Паллас Петр-Симон.** Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // АБККЕА. Нальчик, 1974. С. 214-224.
15. **Спенсер Э.** Путешествия в Черкессию. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1994. 153 с.
16. **Торнау Ф. Ф.** Воспоминания кавказского офицера // Адыги: культурно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 3-55.
17. **Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (УЦГА АС КБР).** Ф. Р-1209. Оп. 6.
18. **УЦГА АС КБР.** Ф. Р-1209. Оп. 8.
19. **УЦГА АС КБР.** Ф. Р-1209. Оп. 8 доп.
20. **УЦГА АС КБР.** Ф. Р-1209. Оп. 18.
21. **Эвлия Челеби.** Книга путешествия (извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). М.: Наука, 1979. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. 287 с.
22. **Энгельс Ф.** Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Изд-во полит. литературы, 1980. 238 с.
23. **Bondarenko D. M.** Kinship, Territoriality and the Early State Lower Limit // Social Evolution and History. 2008. Vol. 7. № 1. P. 19-53.

KINSHIP AS A FACTOR OF POLITICAL INTERACTION OF THE TRADITIONAL KABARDIAN SOCIETY WITH THE OUTSIDE WORLD (THE XVI-XVIII CENTURIES)

*Azikova Yuzanna Martinovna, Ph. D. in History
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
azik-uu.84@mail.ru*

The article analyzes the presence of the elements of kinship and its variants in the history of relations between the traditional Kabardian society and “foreign-language periphery”, neighboring peoples and states (the XVI-XVIII centuries). The evaluation of the pragmatic or ideological significance of using kinship rhetoric and contacts for the historic reality of international relations in the region is given.

Key words and phrases: history of relationships; kinship; artificial kinship; manipulation of kinship; marriage; fosterage; fraternization; union.